

ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ

КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

ЛЮБИТЬ МОНСТРА

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
СТОКГОЛЬМСКОГО
СИНДРОМА

МОДЕЛИ
НОКС
РОБЕРТ
РЕССЛЕР

**Роберт Кеннет Ресслер
Микки Нокс
Любить монстра.
Краткая история
стокгольмского синдрома
Серия «Человек преступный.
Классика криминальной психологии»**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29192976

*Микки Нокс, Роберт Ресслер. Любить монстра: краткая история
стокгольмского синдрома: Алгоритм; Москва; 2018*

ISBN 978-5-906995-53-7

Аннотация

Люди, ставшие жертвами ограбления банка, тратят все свои сбережения на адвокатов своих мучителей. Внучку американского миллиардера Патрисию Херст похищают с целью получения выкупа, но уже через несколько дней девушка сама врывается в банк и размахивает заряженным оружием. Чудом вырвавшаяся на свободу Наташа Кампуш плачет, когда узнает о смерти человека, отобравшего у нее 3096 дней жизни. Что такое стокгольмский синдром и на какие преступления может

толкнуть человека любовь... к чудовищу? Ответ на этот вопрос вы найдете в книге легендарного американского профайлера Роберта Ресслера и криминального психолога Микки Нокса.

Содержание

Жизнь с чудовищами	6
Краткая история стокгольмского синдрома	12
Случай в Стокгольме	23
Отчаянная Патти Херст	50
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Микки Нокс, Роберт Ресслер Любить монстра: краткая история СТОКГОЛЬМСКОГО синдрома

© Р. Ресслер, М. Нокс, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Жизнь с чудовищами

Я не знаю ни одного серийного убийцы, который был бы похож на Ганнибала Лектора. Во-первых, потому, что среди серийников не было психотерапевтов. Я знаю нескольких врачей, которые унесли ряд жизней, но точно не в извращенной манере. Я не знаю ни одного человека со столь высоким положением в обществе, который был бы каннибалом. Либо был интегрирован в высшие слои и был столь дьявольски безумным.

Чтобы определить преступника, составить его профайл, вы должны понять способ его мышления, поставить себя на его место, понять и в конечном счете опередить его. Работа профайлера заканчивается в сознании убийцы. Он видит тебя, а ты его. Быть с ним настоящее волшебство, у него есть ключ, или окно, через которое он наблюдает за тобой. Таким образом, он смотрит, наблюдает за тобой. Точно так же, как и ты за ним. Когда я рисую для него картину, он видит и понимает, куда я пойду, каким будет мой следующий шаг. Таким образом, серийный убийца завершает составление психологического портрета самого профайлера. В этом и состоит суть работы криминального психолога. Установить невидимую связь между собой и убийцей.

Как началась моя жизнь среди чудовищ? Это был 1946 год. Город был охвачен паникой: в Чикаго появился ма-

няк, убивающий молодых девушек. Отец работал в Chicago Tribune, и у нас дома всегда было много номеров этой газеты. Меня поразила тогда одна деталь: убийца написал помадой своей жертвы следующую фразу: «Ради бога поймай меня быстрее, чем я снова убью. Я больше не могу себя контролировать». Очень скоро было совершено новое преступление. Преступник убил и расчленил тело женщины. Части ее тела были найдены в разных частях города. Что за человек способен на такое? Человек ли это вообще? Как ребенок я не мог представить себя на месте убийцы, но мог представлять себе то, как я расследую это дело.

Весь город был охвачен паникой. Многие родители стали забирать своих юных дочерей из школы, опасаясь маньяка. Tribune тогда оказалась в самом центре расследования. В каждом выпуске содержались новые подробности расследования «убийцы с помадой». Конечно, я был немного напуган, но в большей степени очарован. Я все чаще и чаще пытался себя поставить на место убийцы и именно тогда впервые задумался о том, что это могло бы помочь следствию. Чем больше мы понимаем преступника, тем легче предугадать его следующий шаг, легче его поймать. Так зародилась идея создания метода профилирования преступника.

Летом 1946 года мы играли исключительно в детективов. Мы представляли, как отслеживаем убийцу, арестовываем и допрашиваем преступников. Когда Уильям Хайренс, тот самый «убийца с помадой» был пойман, мои ровесники охла-

дели к этим играм, но не я. В некотором смысле я играю в нее до сих пор. Помню, меня поразило то, что такой молодой Хайренс оказался способным на такую жестокость и хладнокровие. Тот факт, что он весьма трезво оценивал свои возможности и тщательно скрывал следы преступления, говорил о том, что он контролировал свои действия, но так ли это было на самом деле? Осознанный ли это выбор убийцы или какая-то непостижимая, темная сила толкает преступника на совершение убийства?

Потом были долгие годы учебы и работы в ФБР. Уже в Квантико, когда я преподавал патопсихологию, мы довольно часто летали на международные пресс-конференции. Именно тогда, на одной из них я и использовал впервые термин «серийный убийца». Тогда преступления наподобие тех, что совершал «сын Сэма» Дэвид Берговиц, назывались «убийством незнакомцем», а такие преступники именовались «чужими убийцами». Мне этот термин не нравился, так как он был недостаточно точным. Довольно часто жертва знала своего убийцу. На одной из конференций мы обсуждали серии убийств, краж, поджогов – преступлений с единым способом организации. Тогда-то я и применил этот термин, а затем стал часто употреблять его на лекциях со своими студентами. Серийные преступления случались все чаще, и начальство было обеспокоено тем, чтобы найти метод наиболее быстрого поиска таких преступников, поэтому этот термин и прижился.

Оглядываясь назад, я думаю, что в моем сознании сработала аналогия с приключенческими сериалами по субботам. Каждые выходные мы спешили в кино, чтобы увидеть следующую серию. Такой интерес объяснялся тем, что в конце каждой серии была так называемая «вешалка», «крючок», ход сценариста, с помощью которого накал конфликта в конце не понижается, а, наоборот, повышается на десяток-другой градусов, оставляя зрителя в закипающем состоянии. Из-за этого зритель оставался в подвешенном, неудовлетворенном расположении духа и готов был пойти на все, лишь бы узнать, что было дальше. Подобный механизм работал и с маньяками. Сам акт убийства оставлял преступника в подвешенном состоянии. Он не удовлетворен. Он мог сделать это лучше. «Ах, я сделал это слишком быстро или медленно, доставил слишком много страданий или наоборот».

Большинство людей думает, что такие преступники похожи на Джекила и Хайда. Вот он вежливый, воспитанный и рассудительный человек, а вот уже у него растут клыки и когти. Серийные убийцы не такие. Мир преступника переполнен и отравлен фантазиями, которые, с одной стороны, дают им импульс к жизни, а с другой – толкают на новые преступления.

Этапы профилирования

Стадия ассимиляции. На этом этапе изучается вся доступ-

ная информация о совершенном преступлении. Фотографии с места преступления, отчеты о проведенном вскрытии, полицейские отчеты и показания свидетелей, а также, что в особенности важно, профиль жертвы.

Этап «классификации» предполагает интеграцию полученной информации, которая позволяет классифицировать преступника, определить, какой перед нами тип преступной личности: организованный или дезорганизованный. Организованные убийцы социализированы в обществе, способны планировать свои действия, оставляют крайне мало улик и зацепок. Дезорганизованный тип личности действует под влиянием импульса и имеет весьма скромные навыки социализации. В случае с убийцами такие личности нередко хотят вступить в половую связь с жертвой. Дезорганизованный тип не планирует своих действиях и не способен к сокрытию улик.

После классификации наступает этап реконструкции, в рамках которого профайлеры изучают поведенческие особенности преступника, пытаются восстановить образ действия и способ мышления преступника в момент совершения деяния.

После этого профайлер обязан определить «модус операнди» преступника – его визитную карточку, то, что является главным для него в преступлении, что удовлетворяет его психологические потребности.

Сопоставляя способ совершения и «модус операнди», на-

ходя взаимосвязи и наличие промежуточных преступлений, профайлер может переходить к этапу создания профиля. В нем может и должна содержаться максимально подробная информация относительно правонарушителя, демографические характеристики, характеристика семьи, военный статус, образование, личностные характеристики, а также профиль может содержать рекомендации следователю о методе проведения допроса или интервью.

Профиль преступника является одним из инструментов в арсенале следователя. Именно эта методика помогает нам хотя бы приблизиться к пониманию того, что толкает человека к краю пропасти, что служит отправной точкой в становлении его личности. Как человек превращается в монстра? Наша задача – попытаться на время стать монстром и суметь вовремя отвернуться от бездны, которая вечно смотрит на тебя.

Роберт Кеннет Ресслер

Краткая история стокгольмского синдрома

Вам нравится сказка о Красавице и чудовище? Никогда не хотелось встретить человека, который для всех был бы монстром, но лишь для вас прекрасным принцем? Может быть, тогда вам по душе сказка о Дюймовочке или Мальчике-с-пальчике? Неужели никогда не хотелось иметь друга или любимую, которая помещается в карман и целиком и полностью зависит от вас, потому как вы единственный человек, способный ее защитить? Быть может, вам хотелось, чтобы вас кто-то пришел и спас? Кардинально изменил вашу жизнь? Или же заставить кого-то полюбить себя? Неужели, нет? Seriously? Никогда не хотелось стать главным и единственным человеком, стать целым миром для своей второй половины? Если хотя бы на один из этих вопросов вы ответили согласием, у вас есть все предпосылки для того, чтобы стать жертвой стокгольмского синдрома. Если на все вопросы ответ отрицательный, скорее всего, вы попросту врете.

Каждого человека можно поставить в положение жертвы, и у каждого можно выработать патологическую реакцию симпатии к своему мучителю. Вопрос лишь в том, как трансформируется эта симпатия с течением времени. Вот здесь все зависит от личности.

Стокгольмский синдром – ситуация, в которой жертва начинает испытывать симпатию к агрессору, влюбляется в собственного мучителя. Ни в одной классификации болезней вы не найдете диагноза «стокгольмский синдром». По одной простой причине – этот психологический феномен является нормальной реакцией человека, желающего выжить, это вовсе не патологический механизм защиты от стресса, как иногда пишут в различных статьях. Как и всегда, любая норма может перейти в патологию. Все зависит от интенсивности и длительности переживаний.

Впервые этот термин использовал известный психиатр Нильс Бейерт для описания психологического феномена, с которым ему пришлось столкнуться в 1973 году. К тому времени он уже был одним из самых известных и уважаемых психиатров не только в Швеции, но и во всем мире. В основном Нильс занимался проблемами борьбы с наркоманией, именно с этой темой были связаны все его научные статьи тех лет. Ученый с 1958 года сотрудничал с полицией Стокгольма, часто выступая в роли консультанта в особенно сложных случаях, а с 1965 года Бейерт стал работать терапевтом в тюрьме предварительного заключения Стокгольма. Эта работа, хоть и не самая денежная и престижная, могла обеспечить его достаточным материалом для исследования проблемы наркомании среди людей с антисоциальным поведением. Помимо прочего, эта должность укрепила связи Бейерта с полицией Стокгольма, и его все чаще стали при-

глашать в качестве консультанта.

В августе 1973 года все внимание Швеции сосредоточилось на одном из отделений «Кредитбанка» в самом центре Стокгольма. Двое преступников и четыре заложника. Невероятное для Швеции преступление, о котором будет подробно рассказано в следующей главе книги. Самым удивительным в этой истории было даже не то, что случилось во время шестидневной драмы, а то, что произошло после освобождения заложников. Никто из пострадавших не пожелал выступить с обвинением преступников, более того, заложники оплатили адвокатов для своих мучителей и впоследствии многие десятилетия поддерживали теплые, дружеские взаимоотношения.

Для описания феномена, примером которого стало это ограбление, Нильс Бейерт и использовал этот термин. В данном случае слово «синдром» обозначало лишь набор психологических симптомов, не более того. Однако в массовом сознании это слово ассоциируется с болезнью, поэтому и данный феномен стали считать болезнью, сходной, к примеру, с посттравматическим расстройством личности, что в корне неверно. Стокгольмский синдром предполагает лишь ситуацию возникновения симпатии жертвы к агрессору.

Четверо заложников Ян Олссона в течение шести дней были вынуждены находиться в маленькой комнате хранилища банка, а затем отказались от всех претензий к преступникам. Девятнадцатилетнюю дочь главы медиахолдинга похи-

щают из дома, а затем два месяца держат в шкафу. За день до освобождения Патти Херст отказывается от свободы и сбегает с преступниками. В 1991 году одиннадцатилетнюю Джейси Ли Дугарл похищают на остановке школьного автобуса. Филипп Гарридо и его жена Ненси удерживали девочку на протяжении 18 лет. В четырнадцать Джейси родила от учителя дочь, через три года – еще одну. Когда маньяка арестовали, Джейси Ли стремилась помешать аресту: скрывала свое настоящее имя, выдумывала легенды о происхождении дочерей. Филипп получил срок в 431¹ год, его жена – 36 лет за решеткой. Из дома, где она жила в плену, Дугард забрала к себе пять котов, двух собак, трех попугаев, голубя и мышь.

В 1996 году в столице Перу Лиме одетые официантами члены «Революционного движения имени Тупака Амару» (MRTA) захватили более 600 гостей посла Японии. В резиденции проходил прием в честь дня рождения императора. Через две недели 220 заложников вернулись домой. Всего за время осады переговорщикам удалось освободить 549 человек. «Лимским синдромом» с того времени называют ситуацию, когда захватчики идут на уступки из-за симпатии к жертвам. Освобожденные заложники отвечали взаимностью и публично поддерживали MRTA. Последние за-

¹ В США наказания суммируются, поэтому можно получить и сто лет тюрьмы, и несколько пожизненных. Если человек получил три срока, значит признан виновным в совершении трех преступлений. Если три пожизненных – значит все три преступления из разряда особо опасных. После смерти заключенного будет считаться, что он отбыл каждое из пожизненных заключений. – *Прим. ред.*

ложники оставались в плену четыре месяца. Власти Перу обвиняли в преступном бездействии, но в это время под резиденцию подводили туннель. Через него спецназ проник в помещение. Только 1 из 14 экстремистов погиб в перестрелке. Остальные сдались и были расстреляны на месте.

В 2002 году 14-летнюю Элизабет Сمارт похитили из кровати. Через 9 месяцев девочку нашли в доме уличного проповедника Брайана Митчелла, который планировал сделать ее одной из семи своих жен. Митчелл надевал на Элизабет вуаль и гулял с ней по улицам. Она не делала попыток убежать, скрывала от посторонних лицо и настоящее имя.

В 2007 году Шону Хорнбеку было 11 лет, когда его похитил Майкл Девлин. Мальчика били, насиловали, заставляли сниматься в домашнем порно. Мучения продолжались четыре года, пока маньяк не выкрал еще одного ребенка. У этого преступления был свидетель, и в дом педофила нагрянула полиция. В ходе расследования выяснилось, что Шон имел относительную свободу и доступ к Интернету, но не делал попыток сбежать или сообщить о себе родным.

Во всех перечисленных случаях срабатывал один и тот же механизм психологической защиты.

Оказываясь в стрессовой ситуации, человек вынужден использовать те или иные защитные стратегии (копинги). Они могут быть конструктивными или деструктивными, направленными на решение проблемы или же на восстановление эмоционального равновесия и пр. Оказываясь в ситуации

критического стресса, у большинства людей происходит регресс. Жертва будто бы возвращается в детство, в этот момент эмоциональное развитие человека вполне можно сравнить с эмоциональным интеллектом ребенка. Ведь к ребенку меньше требований, да и не отвечает он ни за что. Главное – слушаться старших. Оказавшись в таком беззащитном положении, человек предлагает агрессору роль мудрого отца. Он должен хвалить за правильное поведение и наказывать за неправильное. Таким образом, жертва объясняет и оправдывает положение агрессора, ну а человек в доминантном положении обязан не только наказывать, но и поощрять. Так начинают расти и развиваться человеческие взаимоотношения в той ситуации, в которой по всем законам логики их появиться не должно.

Затем постепенно человек начинает долгий путь возвращения к своему привычному эмоциональному состоянию. Желая объяснить поведение агрессора, жертва начинает ставить себя на его место, пытаться понять позицию агрессора и увидеть в нем не чудовище, но человека со своими достоинствами и недостатками. Этот процесс имеет вполне логичное объяснение, отразившееся в известной народной мудрости. Как вы относитесь к человеку, так и человек относится к вам. Если вы видите перед собой хищника, то и хищник в вас будет видеть жертву. Попробуйте наладить контакт с агрессором, без конца повторяя про себя, что он монстр. Вряд ли у вас получится выстроить подобие доверительных отноше-

ний. Итак, человек, желая выжить и сохранить свои представления о мире, в котором нет людей-чудовищ, пытается объяснить и оправдать поведение агрессора. Таким образом, в действие вступает механизм психологической защиты, который впервые описала Анна Фрейд в далеком 1936 году, задолго до первого описанного случая стокгольмского синдрома. Ссылаясь на работы своего отца, создателя психоанализа Зигмунда Фрейда, Анна описала защитный механизм идентификации с агрессором. Для иллюстрации этого феномена психолог приводила пример девочки, которая очень боялась темноты. По мнению ребенка, в темных комнатах жили призраки. Она всякий раз с ужасом воспринимала новость о том, что ей придется пройти по неосвещенному помещению. Однажды все изменилось. Девочка стала пробегать по комнате легко и быстро, правда, теперь она делала при этом странные пассы руками. Выяснилось все просто. Девочка поделилась своим секретом с братом: «Я теперь больше не боюсь привидений. Я знаю, как с ними бороться. Чтобы не бояться привидений, нужно стать самой привидением». Чтобы не страдать в положении жертвы, человек ставит себя на место агрессора и начинает исходить из логики другого человека. Что в этом плохого? Это же помогло девочке избавиться от собственных страхов, в конце концов. Как и всегда, этот механизм психологической защиты может, как помочь, так и навредить. Все бы ничего, до тех пор, пока жертва, следуя чужой логике, не начинает вредить себе.

Психоаналитик Вамик Волкан в 60-х годах XX столетия работал в США в Северной Каролине в госпитале Черри для душевнобольных. В то время это была сегрегационная лечебница, куда принимали только черных пациентов. Это было на бывшем рабовладельческом Юге за полвека до того, как Барак Обама стал первым чернокожим президентом США. Пациенты клиники были черными, а весь персонал – белыми. Волкан пишет: «Я заметил, что чернокожие пациенты госпиталя Черри пытались идентифицироваться со своими белыми угнетателями; бредовая вера чернокожего, что он “белый”, была явлением довольно распространённым. У двух пациентов была лейкодерма в виде пятен “белой” кожи; они имели полностью “кристаллизованный” бред о том, что они белые» (Volcan, 1966).

Польский психолог и психиатр Антон Кемпенский (1918–1972), бывший заключённый концентрационного лагеря Освенцим, описал типичные случаи, когда в лагерях назначались старшие по бараку из числа узников, и эти люди выказывали даже большую жестокость в отношении своих собратьев по несчастью, чем надсмотрщики из числа нацистов. Они идентифицировались с агрессором в этой экстремальной ситуации в бессознательной надежде, что если они – тоже агрессоры, то их минует участь всех остальных узников лагеря смерти.

Все это крайние проявления идентификации с агрессором – защитного механизма, лежащего в основе появления сток-

гольмского синдрома. Самое ужасное в этом процессе – тот факт, что, ставя себя на место агрессора, человек перестает быть собой. Зачем нужно видеть в агрессоре человека? По одной простой причине – только в этом случае агрессор сможет увидеть в жертве человека. Если агрессор видит перед собой не врага и не жертву, а точно такого же человека со своей историей, ему будет намного сложнее проявить к жертве жестокость. Жертва же видит то, что агрессор проявляет снисхождение: мог ударить, но не ударил, мог убить, но не убил, кормит, заботится. Так жертва начинает испытывать благодарность к агрессору.

Кого больше всего боится агрессор? Действий властей в свой адрес. Этот же страх поселяется и в жертве. Человек видит своего мучителя, узнает его, понимает, видит в его действиях логику. Если в жестокости есть логика, ее можно избежать – нужно только правильно себя вести. А вот на что пойдут власти? Эта угроза непонятна и, следовательно, кажется более опасной. В тот момент, когда жертва начинает испытывать страх перед внешним врагом, наступает вторая фаза стокгольмского синдрома. Чем слабее связи жертвы с внешним миром, тем больше вероятность того, что она начнет симпатизировать агрессору. Третья стадия наступает не всегда – ответная реакция агрессора. Третья стадия предполагает наступление взаимной симпатии. Ничто так не сближает людей, как общий враг. Верно? Так и возникает этот вид травматической связи между жертвой и агрессором.

Раньше этот термин применялся исключительно к ситуациям, связанным со взятием в заложники, но впоследствии сфера применения данного термина расширилась. Тюремь, военные операции, некоторые национальные обряды (похищение невесты) и, наконец, авторитарные межличностные отношения. Случай Наташи Кампуш, описанный в книге, ярко иллюстрирует бытовой стокгольмский синдром, который встречается значительно чаще, чем можно себе представить.

Какой процент людей подвержен стокгольмскому синдрому? Ответить на этот вопрос практически невозможно. По статистике ФБР – 8 % заложников, по другим данным – до двадцати, ну а в отношении бытового синдрома эту цифру назвать невозможно. По понятным причинам женщины сильнее подвержены этому синдрому. Люди, воспитанные в авторитарной семье, склонные к самоуничтожению, с низкой самооценкой, – все это факторы риска. Представьте себе, что агрессор проводит кастинг на роль жертвы. Преступник врывается в банк, и у него есть минута, чтобы выбрать одного единственного заложника из нескольких десятков людей. На осознанный выбор времени нет, и в игру вступает подсознание. Конечно, каждого человека можно заставить примерить на себя роль жертвы. И, тем не менее, подсознательно агрессор всегда выбирает того, кому больше подходит эта роль. Зажатые, забитые люди, которые ненавидят свою жизнь и страстно мечтают ее изменить, – лучше всего подходят на

эту роль.

Намного интереснее то, что происходит дальше. Если бы не этот интерес, половина сценаристов Голливуда попросту лишилась бы работы. Интерес к феномену возникновения такого рода отношений появился намного раньше, чем сам термин.

А дальше отношения развиваются, как и любые другие. В этой книге рассмотрены наиболее яркие и хрестоматийные случаи возникновения стокгольмского синдрома. Случаи террористических захватов, военных операций, концентрационных лагерей по этическим соображениям мы решили оставить за пределами этой книги. Описывая случаи Яна Олссона, Патти Херст и Наташи Кампуш, мы точно так же, как и так называемые «жертвы стокгольмского синдрома», пытались понять мотивы агрессоров. В случаях террора понять этих людей и тем более описать их мотивы в книге слишком сложно, да и неэтично.

Случай в Стокгольме

23 августа 1973 года в 10 часов утра раздался выстрел, ознаменовавший начало драмы, продлившейся 131 час. Именно столько времени понадобилось Яну Олссону, чтобы навсегда перевернуть мир четырех людей. Когда все было позади, шведский криминалист Нильс Бейерт начал изучать подробности этой истории, он же и назвал феномен, свидетелями которому стал весь мир, стокгольмским синдромом. Всего через полгода, в феврале 1974 года, мир будет наблюдать в прямом эфире уже за другой драмой. Случай Патти Херст впоследствии назовут самым ярким и показательным случаем стокгольмского синдрома в истории.

В те жаркие августовские дни в Стокгольме город был погружен в летнюю полудрему. Дети пытались насладиться последними днями лета, домохозяйки были заняты обсуждением дневных телевизионных шоу, а служащие отсчитывали оставшиеся до конца рабочего дня минуты. Причем отсчет начинали ровно с восьми утра, именно в это время начинало свою работу большинство магазинов, банков и официальных учреждений города. Вот уже очень давно в одной из самых благополучных столиц Европы не происходило ничего, ни хорошего, ни плохого. Главными темами всех новостных выпусков были ухудшающееся состояние здоровья короля Густава Адольфа Шестого и предстоящие выборы премьер-ми-

нистра.

Девяносталетний король Густав вот уже неделю как был при смерти. Воспаление легких дало осложнения, и доктора давали совсем не оптимистичные прогнозы. Желая быть первыми, кто расскажет о смерти короля, журналисты пяти различных телеканалов денно и нощно дежурили возле королевского дворца в центре Стокгольма.

Неприметное отделение «Sveriges Kreditbank» располагалось в самом сердце города, всего в паре кварталов от королевского дворца на площади Нормальмсторг. Бриджитт Ландблэд, Кристин Энмарк, Элизабет Олдгрэн и Свен Сафстром с восьми часов утра маялись от скуки на работе. Был четверг, и все добропорядочные граждане в это время трудились в поте лица, в отделении банка сейчас не было ни одного клиента. Да и вообще за два прошедших с начала работы часа здесь побывала лишь пара человек. Девушки-операционистки тихо переговаривались между собой о том, как протекает беременность Элизабет Олдгрэн, когда приедет машина с зарплатой для полиции и как поживает матушка их начальника Свена Сафстрома. Сам администратор Свен для порядка периодически хмуро поглядывал на них, но замечаний все же не делал. Тут дверь отделения тихонько скрипнула, и внутрь вошел грузного вида мужчина преклонного возраста. Девушки тут же притихли. Старик присел к одной из операционисток и стал рассказывать о своей проблеме. Его пространный рассказ прервал жалобный писк резко распах-

нутой двери. В проеме появился чернокожий мужчина, выглядевший, по меньшей мере, странно. Половину лица его скрывали солнцезащитные очки, а прическа в виде копны торчащих в разные стороны темных волос и вовсе вводила в ступор. Довершал образ плащ, в котором мужчине явно было жарковато. Приглядевшись, становилось понятно, что прическа – модный в те годы диско-парик.

Все в отделении банка притихли и стали с интересом наблюдать за странным посетителем. Мужчина встал в центре зала и вытащил руку из кармана. Девушки испуганно ахнули. В руках у мужчины был пистолет. Тот демонстративно снял оружие с предохранителя, направил его вверх и выстрелил.

– Вечеринка начинается! – закричал грабитель на хорошем английском.

Все участники событий буквально застыли в тех же самых позах, в каких они увидели пистолет в руках странного типа в парике. Кристин вцепилась пальцами в карандаш, который держала, Свен стоял, взявшись за ручку двери ведущего в хранилище банка... Бриджит опомнилась первой. Молодая женщина нащупала под столом кнопку сигнализации и нажала ее. Через пять минут должна приехать полиция, осталось только потянуть время.

Грабитель посмотрел на Свена, все так же продолжавшего держаться за ручку двери, и приказал вести его в хранилище. Администратор не в состоянии был сейчас произнести хотя бы слово, язык буквально прилип к небу, а взгляд его

продолжал буравить пистолет в руках преступника. Ян приказал женщинам лечь на пол и поднять руки за голову.

Полицейский патруль уже подъехал к зданию банка. Хранители порядка предполагали встретить в отделении просто-го хулигана или случайно забредшего пьяницу. Предположить, что кто-то решит ограбить банк в самом центре города, никто не мог. Увидев в стеклянных витринах мужчину в парике, они сразу поняли, что что-то не так. Двое полицей-ских отправились внутрь.

– Всем стоять, оружие на пол, – крикнул один из копов.

Ян Олссон среагировал моментально. Даже не расслы-шав просьбу полицейских, он развернулся и выстрелил. Ин-стинктивно. Пуля попала в руку одного из полицейских, Ингмара Варпфельдта. Мужчина тут же сполз на пол, скор-чившись от боли.

– Оружие на пол и сядь в кресло! – приказал Ян Олссон.

Вид у него становился все более растерянным. Было за-метно, что он не ожидал такого поворота событий. Полицей-ский подчинился приказу. Он осторожно начал опускать пи-столет на пол, а затем все так же осторожно, глядя на писто-лет грабителя, сел в кресло при входе в отделение банка. Оно предназначалось для охранника, который вот уже несколько дней как уволился.

В небольшой комнате банка воцарилась гнетущая, вязкая тишина.

– Что вы молчите?! – заорал Ян Олссон, которому невыно-

симо было больше терпеть это повиснувшее в воздухе напряжение. Казалось, еще секунду, и чьи-то нервы не выдержат. Каждое неосторожное движение могло сейчас стоить жизни. На полу один из полицейских корчился от боли. Эти хрипы были еще страшнее тишины.

– Ты, – Ян указал на сидящего в кресле полицейского, – спой что-нибудь, – приказал преступник.

Поначалу полицейский даже не понял, чего от него хотят. Попросту не расслышал. Тогда Ян Олссон повторил свой приказ и приставил к ноге несчастного дуло пистолета.

Сначала тихо, а затем все громче слышалась песня «Одинокий ковбой». Тот факт, что его приказы исполняют, придал Яну Олссону уверенности.

– Я не намерен смотреть на весь этот цирк. Ты видишь, что полицейский ранен? Ему нужна помощь врачей, поэтому ты сейчас нас отпустишь, – категорично сказал пожилой мужчина, все это время наблюдавший за происходящим из кресла посетителя.

Ян Олссон продолжал сжимать в руках оружие, но видно было, что с каждой секундой уверенность его тает на глазах.

– Ты слышал, что я сказал, сейчас ты нас отпустишь, – начинал сердиться мужчина, параллельно помогая встать раненому полицейскому. За окном уже начинали съезжаться полицейские машины. На шум выстрелов прибежали журналисты, дежурившие возле королевского дворца. В этот момент как раз снимали первый выпуск новостей.

Через минуту в дверях показалось трое мужчин: пожилой посетитель и двое полицейских. К ним тут же кинулись журналисты, врачи и полиция.

— Он просто идиот, — категорично заявил мужчина, не пожелав давать еще каких-то объяснений.

Как только полицейские скрылись за дверью отделения банка, темнокожий мужчина развернулся и закричал на оставшихся в зале людей. Бригитта и Кристин прятались под столами, в зоне для обслуживания клиентов, Свен распластался на полу, прижав руки к голове, а Элизабет лежала возле самой двери, то есть ближе всех к преступнику.

— Все наверх, в хранилище! — заорал грабитель по-английски.

Спустя пару минут преступник и четыре заложника забаррикадировались в небольшой комнате с банковскими ячейками. На несколько минут в этой комнате, наполненной железными ящиками, кодовыми замками и никому не нужными стопками бумаг, воцарилась гнетущая тишина. В зале банка слышалось какое-то движение.

Комиссар полиции Свен Торрандер вошел внутрь. Мужчина поднял руки вверх и громко крикнул о том, что у него нет оружия. Грабитель разрешил ему подойти к двери хранилища на втором этаже, а затем озвучил наконец свои требования. Три миллиона шведских крон новыми банкнотами, две пушки, каски, бронежилеты, патроны, спортивный автомобиль и Кларк Олоффсон, отбывающий в настоящий мо-

мент срок в тюрьме Кальмар.

«По действиям преступника было видно, что он в отчаянии и способен на все. Мы готовы были пересмотреть четкие инструкции на этот счет, запрещающие преступникам покидать помещение вместе с заложниками. Преступник не раздумывая стрелял в полицейских и по чистой случайности никого не убил. В качестве врача мне разрешено было пройти на территорию банка и поговорить с ним. Мне стало очевидно, что этот мужчина не находится под воздействием алкоголя или наркотиков, а также не является сумасшедшим. Он был решительным человеком с нормальным интеллектом, действовавшим рационально и согласно своему преступному плану. Это обнадеживало. Если бы он был психом, было бы очень трудно предсказать его дальнейшие действия».

(Нильс Бейерт. Психиатр и консультант полиции)

Швеция долгие десятилетия считалась оплотом спокойствия в этом безумном современном мире. Здесь никогда и ничего не происходило, а осужденные преступники должны были ждать своей очереди для отбывания своего срока заключения. Здесь даже обычные кражи случались крайне редко. Настолько дерзких преступлений, как ограбление банка

с захватом заложников, тут не происходило никогда. Никто попросту не знал, как следует себя вести в подобной ситуации. На долгих шесть дней отделение банка на площади Нормальмсторг превратилось в неприступный бастион, в котором уже не действовали законы Швеции. Эти несколько квадратных метров превратились для всех участников событий в иной мир, в котором действовали совсем иные правила и законы.

Из-за парика и очков на лице грабителя долгое время никто не мог определить личность преступника, однако очевидно было, что с его психикой не все в порядке. В те годы не могло быть и речи о какой-либо тактике ведения переговоров, да и криминальные психологи были большой редкостью. Одним из психологов, консультирующих полицию, был Нильс Бейерт, виднейший ученый с мировым именем. Как только стало известно о произошедшем на площади Нормальмсторг, полиция тут же пригласила ученого для ведения переговоров. Нильс приехал одним из первых.

Постепенно все силы полиции, а также все журналисты, репортеры и просто любопытные жители Стокгольма стекались на площадь, образуя тем самым кольцо вокруг отделения банка. Вскоре уже все руководство страны, вплоть до министра юстиции, премьер-министра Улофа Пальме и умирающего от обострения пневмонии короля, знало о беспрецедентном ограблении банка. Чтобы выиграть время для маневра, было решено пойти на уступки и выполнить часть тре-

бований преступника.

Через пару часов после захвата банка по коридору тюрьмы Кальмар вели самого известного преступника Швеции, на счету которого были убийства, грабежи, массовые беспорядки и ограбления банков. Кларк Улоффсон выглядел довольным жизнью и, казалось, совершенно не удивлен тому факту, что его сейчас собираются везти в Стокгольм. Начальник тюрьмы отказался от сотрудничества с полицией и даже конвоиров для Улоффсона не предоставил. Мужчина по вполне понятным причинам считал, что Кларк Улоффсон только усугубит бедственное положение властей.

«Грабитель потребовал три миллиона крон и настаивал на том, чтобы к нему доставили Кларка Улоффсона, преступника, которому предстояло сидеть еще шесть лет. За пару недель до этого Кларк уже предпринимал попытку побега, взорвав тюремную дверь, однако в тот раз его план дал осечку.

Мы понимали, что столкнулись с проницательным и амбициозным преступником. Он бы не стал продолжать переговоры, если бы не увидел, что хотя бы часть его требований исполнена. Обнадеживало только одно: мы имели дело с преступлением исключительно криминальным, лишенным всякой политической окраски»

(Нильс Бейерт. Психиатр и консультант полиции)

Кларк Улофссон вот уже несколько лет был главным и любимым преступником всех журналистов страны. Начав свою криминальную карьеру с мелких грабежей и небольших сроков, он быстро прославился своей жестокостью и фатальной наглостью. Один тюремный срок сменялся другим, но каждый раз, оказавшись на свободе, Кларк творил что-нибудь новое, еще более провокационное. В 1969 году он вдарился в бега. Тогда над ним шел суд за убийство и грабеж; не дожидаясь вынесения приговора, Кларк уехал из страны. Пробыв какое-то время на Канарских островах, он начал путешествовать по Европе. Арестовали его в одном из городов Германии. Ему предстояло отсидеть шесть лет. Несколько месяцев назад его перевели в тюрьму Кальмар. Здесь он чувствовал себя вполне комфортно и наслаждался лучами славы. Его знали все и в тюрьме, и за ее пределами. Небольшого роста, в не самой лучшей спортивной форме, с обаятельной улыбкой, скрытой под светлой бородой, он скорее напоминал постоянного клиента пивного бара или рабочего с мебельной фабрики, но никак не преступника.

Сейчас уже было понятно, что темный цвет кожи, афро-парик и темные очки – дешевый маскарад. Преступником должен был оказаться кто-то из недавнего окружения Улофссона. На тот момент нашлось лишь двое человек, примерно подходящих по возрасту и росту, которые отклонялись от прохождения общественных работ в тюрьме. Сам Кларк заявил, что понятия не имеет о том, кто мог пойти на такое

ограбление. О том, что им окажется неприметный мошенник Ян Олссон, полиция даже не предполагала. По всем характеристикам личности преступником должен был оказаться совсем молодой человек, но никак не тридцатилетний мужчина.

Кларка Улофссона привели в комнату для допросов и стали в подробностях рассказывать о произошедшем. Мужчина спокойно слушал и только изредка кивал, как будто бы одобряя те или иные действия. Казалось, что мир перевернулся и превратился в кривое отражение самого себя. Теперь не полиция допрашивала Кларка, а наоборот. Когда рассказ был закончен, один из полицейских подвел итог:

– Сейчас у тебя есть шанс сократить свой срок. Ты должен будешь поехать туда и сделать все, чтобы преступник сдался.

Кларк Улофссон лишь молча кивнул. Весь путь до Стокгольма они провели в абсолютном молчании. Лишь на подъезде к городу Кларк вдруг обронил:

– Итак, раз, два, три, четыре. Теперь есть четыре варианта развития событий.

– Какие? – поинтересовались полицейские.

От дальнейших комментариев Кларк отказался. Вскоре машина с Кларком Улофссоном въехала на площадь Нормальмсторг. Кларк Улофссон вышел из машины и вытянул руки вперед для того, чтобы с него сняли наручники. Затем его подвели к оцеплению. Мужчина кивнул и прошел внутрь, перешагнув в мир, в котором сейчас действовали свои зако-

НЫ.

«Поговорив с Улофссоном, я утвердился в своем мнении об этом человеке. Изначально мы хотели обменять Улофссона на заложников, но преступник категорически отказался от такой сделки. Я понимал, что этот человек не совершит каких-либо отчаянных поступков и не собирается рисковать своей жизнью. Именно поэтому мы и решили позволить ему присоединиться к грабителю. Теперь в банке был как минимум один человек, который собирался действовать логически, последовательно и согласно собственной цели. Один умный человек с сильным желанием жить и рациональным способом мышления. Не так уж мало»
(Нильс Бейерт. Психиатр и консультант полиции)

Каждый шаг Кларка Улофссона снимали сотни журналистов. СМИ были счастливы видеть своего любимого персонажа. К нему уже давно относились не как к преступнику, но как к поп-звезде. Даже в тюрьме Кальмар хотя бы раз в неделю, да появлялись журналисты, желающие взять у него интервью.

С появлением Кларка Улофссона настроение у всех в хранилище банка переменялось. Все как будто вздохнули с об-

легчением. Кларк тут же начал расспрашивать людей об их самочувствии, шутить и, не стесняясь, обсуждал с грабителем, что тот планирует делать дальше.

Сложности возникли в тот момент, когда одной из девушек понадобилось в туалет. Отпускать ее одну было бы глупо, но идти вместе с ней было еще опаснее. Тем не менее грабитель, который все еще не назвал своего имени, пошел на риск и отвел Кристин Энмарк в дамскую комнату. Затем туда же пришлось отвести Элизабет, Бригитту и Свена.

Всю ночь они тихо переговаривались, шутили, а под утро даже решили сыграть в одну из настольных игр, распространенных в ту время на вечеринках. Конечно, никто не мог уснуть, так как организм в состоянии стресса включил режим экстренной готовности, однако резерв любого организма ограничен. Уже к утру Бригитта все же уснула на полу хранилища. Кларк укрыл женщину своей курткой и продолжил разговаривать с Кристин и Элизабет.

Ближе к десяти утра стоящий в углу хранилища телефон зазвонил. Этот звук буквально вырвал всех присутствующих из полусонного и тихого состояния. Они вдруг вспомнили о том, что стали заложниками при ограблении банка. Это обстоятельство сейчас казалось диким и глупым. Знаменитый преступник Кларк Улофссон оказался приятным и веселым мужчиной, да и сам грабитель, все еще не назвавший своего имени, уже не вызывал опасений.

Кларк Улофссон поднял трубку. На том конце провода

был один из комиссаров полиции. Он говорил аккуратно и осторожно, более всего боясь разозлить безымянного преступника. Главной задачей было выяснить то, в каком физическом и психическом состоянии пребывают заложники. Кларк беспечно ответил, что все чувствуют себя хорошо, но вот еды и напитков им не хватает. Комиссар удовлетворился этим ответом и сказал, что перезвонит через несколько минут. Ему требовалось проконсультироваться с командой психологов, начальством и получить приказ сверху, чтобы доставить заложникам еду и воду. Наконец, одобрение было получено.

— Мы доставим вам еду и напитки, если убедимся, что с заложниками все хорошо.

Таков был финальный ответ полиции. Грабитель согласился на сделку, и уже через час Кларк Улофссон открыл дверь хранилища. Первыми спустились Бригитта и Свен. Как и просил Кларк, они медленно спустились по лестнице и встали возле дальней стены зала для посетителей. Теперь полиция могла видеть их через стеклянные витрины отделения. Сам Кларк вышел вместе с Элизабет и Кристин. Он поочередно помогал девушкам спуститься по лестнице. Когда все они были уже внизу, Кларк панибратски обнял улыбающихся Кристин и Элизабет, а затем помахал полиции рукой. Их часть сделки они выполнили. Еще через час в помещении хранилища появились еда, вода и даже ящик пива, сильно воодушевивший Свена.

Такой поворот событий впечатлил журналистов. Раз грабителям звонит полиция, то и они смогут поговорить с главными звездами Швеции. В середине дня один из популярных радиоведущих тех лет сумел дозвониться до хранилища банка. Трубку поднял Кларк Улофссон, открывший в себе талант пиар-директора. Кларк был вежлив и добродушен. Он повторил требования грабителя: три миллиона шведских крон новыми банкнотами, оружие, бронежилеты, каски, машина. По замыслу грабителя он вместе с двумя заложницами должен был сесть в машину, за рулем которой должен был быть Кларк Улофссон, и скрыться в неизвестном направлении. Заложников он обещал высадить на середине пути.

– ...Он не хочет ничего плохого, просто ему нечего терять, и поэтому он готов на все, – заключил Кларк. Журналист поблагодарил его и поинтересовался, не разрешит ли Кларк поговорить с одной из заложниц. К немалому удивлению корреспондента, Кларк передал трубку Кристин.

– Добрый день. Все мы чувствуем себя хорошо. Играем в настольные игры и неплохо проводим время. Мы с Элизабет готовы поехать вместе с ними, так как мы ничуть не боимся людей, которых вы называете преступниками. Мы не менее отчаянные, чем они. Намного сильнее мы боимся возможных действий полиции, которая ведет себя слишком агрессивно...

«Правительство Швеции уже в первый день захвата

приняло два категоричных решения. Во-первых, разрешить Кларку Улофссону присоединиться к грабителю. Во-вторых, ни при каких обстоятельствах не позволять преступникам покидать отделение банка вместе с заложниками. В противном случае мы бы оказались в слишком опасной социальной ситуации. Помимо очевидной угрозы жизни заложников, мы бы получили серию подобных преступлений по всей стране»

(Нильс Бейерт. Психиатр, консультант полиции)

Голос девушки звучал искренне, и невозможно было предположить, что девушка говорит все это по заранее написанному плану. Такого поворота никто не ожидал. Помещение хранилища банка в центре Стокгольма превратилось теперь в съемочную площадку самого беспрецедентного в истории Швеции реалити-шоу. Все, включая полицию и премьер-министра, гадали, что будет дальше. Журналисты ринулись снимать репортажи с предысторией всех участников событий и быстрее полиции связались с родственниками заложников. Конечно, теперь следующей после Кларка Улофссона звездой стала двадцатитрехлетняя Кристин Энмарк. Девушка происходила из добропорядочной провинциальной семьи рабочего и учительницы. Тоталитарная мама и любящий пропустить стаканчик виски отец. Кристин всегда была гордостью и радостью родителей. Закончив обучение, девушка вместе со своим женихом полгода назад приеха-

ла в Стокгольм. Практически сразу ей удалось устроиться в это отделение банка. Казалось, что отныне и навсегда жизнь этой девушки определена и прописана: свадьба, повышение по службе, дети... В этот сценарий никак не укладывалось ограбление банка, но, похоже, девушка этому была только рада. Еще одной заложницей оказалась Элизабет, ровесница Кристин с практически идентичной биографией. Третьей заложницей была тридцатилетняя Бригитта, добропорядочная мать двоих маленьких детей, младшему из которых едва исполнилось полгода. Свен Сафстром – четвертый заложник, представлял наименьший интерес для прессы, одинокий, молчаливый мужчина был слишком непримечательной персоной, о котором даже родители толком не смогли рассказать хоть что-нибудь мало-мальски интересное.

В середине дня в хранилище вновь раздался звонок. На сей раз трубку взял сам грабитель. Звонил премьер-министр Швеции Улоф Пальме. За три недели до выборов глава правительства не мог допустить печальной развязки этой истории, а если все будет продолжаться в том же духе, история, при всех возможных вариантах исхода ситуации, закончилась бы печально. Если позволить преступникам скрыться, правительство предстанет беспомощным и некомпетентным. Раз полиция не способна справиться с одним вооруженным сумасшедшим, как ей можно доверить защиту целой страны. Если же власти сработают быстро и никто из заложников не пострадает, преступники превратятся в совре-

менных Робин Гудов и национальных героев. За эти несколько часов этих грабителей уже полюбили не меньше, чем героев сериалов. Оставался только один допустимый вариант – уговорить преступников сдаться.

Разговор с Улафом Пальме закончился ничем. Положив трубку, грабитель наконец снял свой карнавальный парик и вытер со лба проступившую испарину. На руке его остались следы старого грима, который он все же решил смыть. Вместе с гримом исчез и английский, на котором тот говорил. Теперь уже он говорил на шведском, причем даже довольно заметный акцент из его речи исчез. Впервые те, кого никто и никогда не слышал, получили возможность заявить о себе. Сам премьер-министр слушал его. Было отчего перенервничать.

Тридцатидвухлетний Ян-Эрик Олссон из небольшого городка Хельсингборг на юге Швеции оказался приятным в общении и даже воспитанным молодым мужчиной. Это был всю жизнь страдавший от безденежья, хронический и патологический неудачник и мелкий мошенник. Свою криминальную карьеру он начал в шестнадцать лет, как и Кларк Улофссон, вот только проступки у Яна были намного менее заметными. В основном это были кражи и подделка документов. Лет в двадцать он познакомился со своей будущей женой, с которой прожил десять лет. Они сходились и расходились, Яна задерживали и освобождали, затем все повторялось. Бедность легко способна довести до отчаяния, а кри-

минальный склад ума Яна заставлял его придумывать все новые аферы.

Желая забыть бывшую жену, Ян переехал в другой город. Там он познакомился с девушкой, с которой быстро завязался роман. Вскоре он искренне полюбил эту девушку. Переезд значил для Яна еще и то, что теперь он должен был посещать тюрьму Кальмар для отбывания общественных работ за кражу сварочного оборудования. Здесь он и познакомился с Кларком Улофссоном. Ян всегда восхищался этим народным героем, обаятельным преступником с совершенно безумной биографией. Искреннее восхищение всегда располагает к себе, так что Кларк и Ян быстро сдружились, но нельзя было бы сказать, что они тут же стали лучшими друзьями. В тюрьме все уважали Кларка, так что круг общения у этого человека был весьма широк. Именно поэтому полиция поначалу не могла определить, кто из уклоняющихся от общественных работ стал главным героем трагедии на площади Нормальмсторг.

Заметив какое-то движение за стенами банка, Кларк и Ян поняли, что полиция готовится к штурму. Заложники испугались этого не меньше, чем грабители.

– Нам нужна жертва, – заключил Кларк.

Жребий решили не бросать. Пистолет направили на Свена – единственного мужчину из числа сотрудников банка в здании. Мужчина начал плакать и умолять не убивать его. Ян не выдержал и стал успокаивать несчастного. Никто не соби-

рался его убивать, даже ранить. Нужно просто было выстрелить в кого-то так, чтобы полиция поняла всю серьезность намерений. Чуть успокоившись и выслушав все подробности плана, мужчина согласился.

Легкое ранение Свена в руку действительно убедило полицию в том, что штурм здания следует отложить. На время в хранилище вновь стало спокойно. Свен получил разрешение выпить все пиво, которое им передали, и это примирило его с жизнью. Они беседовали, смеялись, играли во все игры для вечеринок, которые только могли придумать. Кларк как бы между делом рассказал о недавней трагедии, произошедшей в Штатах. Там точно так же парочка преступников решила ограбить банк и так же взяла несколько человек в заложники. Полиция не стала слушать требования грабителей и сразу же пошла на штурм. Они пустили слезоточивый газ, причем в помещение с заложниками. В той трагедии выживших не было. Кто-то из заложников задохнулся, а кто-то погиб от пули. Эта история, произошедшая всего за пару месяцев до описываемых событий, сильно повлияла на настроение заложников.

Ян и Кларк производили впечатление веселых, милых и отчаянных молодых людей – что может быть притягательнее для юных девушек? Бригитте Ян разрешил поговорить с мужем по телефону, чем расположил ее к себе. Он ведь мог этого не делать, не идти на такой риск только ради того, чтобы женщина успокоилась. Свен же получил безлимитный до-

ступ к алкоголю, да и ранили его совсем легко, а ведь могли и убить в такой-то ситуации... А вот полиции действительно стоило бояться. Если они пойдут на штурм, может случиться все, что угодно...

Когда на следующий день Кларк вновь заметил подозрительно возросшую активность полицейских, Кристин разочлилась не на шутку. Она решительно пошла к телефону и набрала номер администрации премьер-министра Улофа Пальме.

– Алло, господин Пальме? Хочу сказать, что я очень разочарована в вас. Я всегда была социал-демократом и поддерживала вас на выборах, а сейчас вы меня разочаровываете. Все, чего мы хоти, – это то, чтобы вы выполнили их требования: мы с Элизабет будем сопровождать Яна и Кларка. Это будет намного безопаснее, чем все другие варианты. В противном случае предлагаю вам приехать сюда и занять наше место, – резко заявила девушка.

Впоследствии и Улоф Пальме, и Кристин отрицали тот факт, что девушка предложила премьер-министру приехать и занять место заложников, однако в первых своих интервью Кристин упоминала об этой фразе. Впрочем, какая разница? Важно было лишь то, что отныне заложники целиком и полностью заняли позицию грабителей, а это уже нужно было учитывать.

Вечером этого же дня телефон в хранилище банка вновь ожил. Ян поднял трубку и поприветствовал звонившего уже

на шведском языке.

– Добрый день, кто это? – раздался в трубке взволнованный женский голос.

– В последнее время меня в основном называют преступником или грабителем, как вам больше нравится, – с легкой иронией в голосе ответил Ян-Эрик.

– Очень приятно, я мама Кристин, могу я поговорить с дочерью? – без тени сарказма ответила женщина. Ян-Эрик передал трубку девушке. Мать девушки сейчас отчитывала дочь за ее неподобающее поведение и абсурдные заявления по радио. По мере того, что говорила женщина, лицо Кристин зеленело. В конце концов, Кларк сжалился над девушкой и волевым решением прервал звонок. Казалось, что Кристин уже сама готова попросить о том, чтобы ее пристрелили. Драма потихоньку превращалась в ироничную комедию об отчаявшихся людях, которых никто и никогда не слышал и которым, наконец, выпал шанс рассказать о себе.

Все уже слишком устали и перенервничали. И преступникам, и заложникам требовалось хоть немного поспать. Кристин прилегла в углу помещения, за стеной из банковских ячеек. Ян-Эрик в нерешительности подошел к девушке и спросил разрешения прилечь рядом. Девушка согласилась.

«Он вел себя как истинный джентльмен. Спросил разрешения обнять меня, и я позволила. Когда он спросил, возможно ли какое-то продолжение, я ответила отрицатель-

но. Ян успокоил меня, сказал, что в этом ничего страшного нет и он никогда бы не позволил себе чего-то большего, чем я позволю, так как нет хуже преступника, чем тот, кто насилует женщин»

(Кристин Энмарк. Одна из заложниц Яна Олссона)

Следующий день начался точно так же, как и все предыдущие. Переговоры с полицией, интервью по радио, новый список необходимых продуктов и средств первой необходимости, затем снова интервью... В конце концов, полиция отключила преступникам возможность совершать исходящие звонки, лишив тем самым Кларка удовольствия раздавать интервью направо и налево.

Список необходимого на сей раз был значительно длиннее предыдущего. Матрасы, носки, средства личной гигиены для женщин, овощи, фрукты, пицца, ящик виски... — казалось, что они не заложники, а группа студентов, собирающихся в поход. Теперь всем было очевидно, что это не только заложники прониклись симпатией к преступникам, но и Ян Олссон с Кларком Улафссоном симпатизируют своим жертвам. Это уже внушало надежду.

Элизабет в своем интервью заявляла, что они совершенно не боятся преступников. Единственное, что может случиться страшного, — так это штурм полиции. Вот тогда их жизням

действительно будет угрожать опасность. Именно это состояние жертвы Нильс Бейерт впоследствии и назовет Стокгольмским синдромом.

Вечером этого дня слышались странные, грохочущие звуки, которые доносились с потолка. Первым их услышал Кларк Улаффсон. Он тут же приказал всем замолчать и стал прислушиваться, откуда именно доносится грохот. Поняв, что сейчас начнется штурм, заложники впали в панику. Они умоляли полицию отступить, девушки рыдали и кричали. Осознав, что происходит, Ян и Кларк сориентировались моментально. Они были готовы к этому. И преступники, и заложники.

Кларк кинул Яну несколько веревок. Четверо заложников выстроились в ряд. Девушки кричали и плакали, умоляя полицию остановиться, а в этот момент Ян Олссон, согласно их плану, затягивал петли на шеях заложников. Оставалось только откинуть скамью, на которой они стояли. Только одно движение – и полиция получит четыре трупа. Пойти на такой риск они не могли. Полиция остановила штурм и заключила двенадцатичасовое перемирие с преступниками.

Лишь пара минут отделяла Кларка и Яна от начала штурма. На сей раз его удалось прекратить, но теперь уже это было лишь делом времени. Накопившаяся усталость последних дней давала о себе знать. Теперь они в немом оцепенении сидели в разных углах хранилища, не представляя, что делать дальше. Веселые истории, игры и алкоголь утратили

свое значение.

28 августа штурм все-таки состоялся. Полиция разработала предельно точный план, согласно которому вся операция должна была занять ровно шестьдесят минут. В течение первых же минут требовалось обезопасить жизни заложников и лишь затем приступить к аресту Яна Олссона и Кларка Улафссона (если поначалу полиция была уверена, что он все же на их стороне, то к вечеру 27 августа всем стало очевидно, на чьей на самом деле стороне преступник).

Операция была проведена успешно. Освобожденных заложников вывели из хранилища. Всех их встречали так, будто это были новые рок-звезды.

Начавшийся судебный процесс дал журналистам новую пищу для размышлений. Никто из заложников так и не согласился свидетельствовать против Яна Олссона и Кларка Улафссона. Более того, все они требовали проявить к преступникам снисхождение.

Следующей новостью стал тот факт, что группа неизвестных оплатила преступникам дорогого адвоката.

Кларку удалось все-таки доказать, что он действовал исключительно в интересах полиции и заложников, а не помогал Яну Олссону, а сам Олссон все же попал в тюрьму. Приговор был сравнительно мягким для преступления национального масштаба. Десять лет Олссон должен был пребывать в заключении. Кларк Улафссон также должен был вернуться за решетку.

Несколько лет стены тюрем Швеции буквально осаждали фанаты Кларка и Яна. У каждого из них появились настоящие армии поклонниц, которые денно и нощно осаждали администрацию тюрьмы, пытались перелезть через стены, устраивали пикеты и добивались свиданий со своими кумирами. В числе посетителей легендарных Олссона и Улаффсона были и знакомые лица. Нет, вовсе не их родственники и старые друзья. К ним на свидания приходили Свен, Бригитта, Элизабет и Кристин.

Кларк Улаффсон проникся искренней симпатией к Кристин. Оказавшись на свободе, он первым же делом позвонил девушке. Они договорились о встрече в небольшом кафе в центре Стокгольма. Кларк пришел на встречу вместе со своей девушкой, а Кристин – с мужем. Они болтали до самого вечера. Это напоминало встречу старых друзей, настолько теплой была атмосфера. Их связывали только воспоминания, только самые яркие воспоминания в жизни – этого оказалось вполне достаточно для дружбы.

Вскоре на свободу вышел и Ян Олссон. Еще в тюрьме он женился на одной из своих самых яростных фанаток. Кларка, Яна и четверых их бывших заложников отныне связывала крепкая дружба, которую уже невозможно было как-то разорвать.

Криминальное мышление Кларка Улаффсона не позволило ему начать жизнь с чистого листа. В 1975 году он оказался на свободе вовсе не потому, что его срок заключения по-

дошел к концу. Он попросту сбежал. Впрочем, Кристин, с которой он тогда встречался, не знала об этом. Вскоре Кларк вновь попытался ограбить банк и вновь оказался за решеткой. Он так и не смог вырваться из этого замкнутого круга.

Ян Олссон тоже вскоре после освобождения вновь попал в поле зрения полиции. Он успел провернуть несколько успешных финансовых махинаций, после чего умудрился сбежать из страны до момента его объявления в розыск. Чуть больше пятнадцати лет он жил в Таиланде, а в 2013 году решил вернуться в Швецию. Он добровольно пришел в участок и заявил, что устал скрываться, поэтому хочет получить свое наказание, а затем зажить тихо и спокойно. Удивительно, но в участок он пришел буквально на следующий день после того, как срок давности по его делам истек...

Так или иначе, Кристин и Элизабет стали самыми верными друзьями Кларка и Яна. При первой же возможности они выкраивали время и возможность для встреч. Рассказы о безумной жизни Яна и Кларка вносили новые краски в слишком уж обычные жизни девушек.

Отчаянная Патти Херст

Тихие и спокойные 1950-е годы в США подходили к концу. Америка задыхалась в насквозь прогнившем провинциальном консерватизме. Мужчины в старомодных костюмах и женщины в ярких платьях с пышными юбками, тихие вечера в семейном кругу, когда уставший мужчина приходит домой и углубляется в чтение газеты, пока счастливая женщина с фальшивой улыбкой хлопочет вокруг обеденного стола, смешные и лишенные всякого смысла комедии, – все это было в прошлом. Все чаще на улицах крупных городов можно было встретить странного вида молодых людей с длинными волосами, остекленевшим взглядом и блаженной улыбкой на лице. Движение хиппи в 1960-х годах стало набирать обороты. Они выступали за мир во всем мире и называли себя детьми цветов. По большей части это были подростки и студенты, которые искренне верили в то, что в их силах изменить мир. Они устраивали митинги и пикеты против самой позорной в истории США войны во Вьетнаме, приковывали себя наручниками ко всему, к чему только можно было их прикрепить, проповедовали свободную любовь и употребление легких наркотиков. Вместо того чтобы тратить свою жизнь на нужную лишь их родителям карьеру, они ехали в Индию и упорно искали себя. Поскольку употребление наркотиков и свободная любовь тоже требуют времени, поиски

затягивались на десятилетия. Они ездили по стране на полуразвалившихся автобусах, пели песни и обменивались браслетами дружбы. Что в этом плохого? Да ничего. Каждый волен тратить свое время так, как считает нужным.

9 августа 1969 года Чарльз Мэнсон первым показал, как из нескольких никому не нужных подростков легко и просто можно создать армию, творящую абсолютный беспредел. Он не был ни серийным убийцей, ни абсолютным злодеем, но именно он показал то, во что может превратиться движение хиппи.

«Как я добился этого? Вы спрашиваете, как я смог добиться того, чтобы все они мне подчинялись? Все просто. Я говорил им то, что они хотели слышать. И только. Самую некрасивую девочку я раздевал и подводил к зеркалу. Потом я говорил: “Посмотри, как ты прекрасна”. И все. Мне больше ничего не требовалось делать»

(Чарльз Мэнсон. Массовый убийца, один из самых опасных преступников XX века)

8 августа 1969 года четверо членов «семьи» Мэнсона ворвались в дом 10 050 на Съело Драйв и устроили кровавую резню. Жертвами их стали четверо человек, в том числе и беременная жена кинорежиссера Романа Полански. На следующий день они повторили свой подвиг и ворвались уже в другой дом.

По всей стране стали появляться движения, объявляющие себя борцами за свободу, но по сути являющиеся самыми обычными бандами. Никакого отношения к организованной преступности они не имели, так как ни правил, ни принципов, ни законов, ни малейшей организации у них не было. Среди самых известных были «Черные пантеры», давшие миру величайшего в истории хип-хоп исполнителя – Тупака Шакура. Среди самых глупых и бесславных – Симбионистская освободительная армия, лидером которой стал Дональд Дефриз.

Темнокожий мальчик Дональд из нищей семьи, в которой никому до него не было дела. Лет с десяти он промышлял мелкими кражами и частенько убегал из дома. Впрочем, похоже, этих побегов даже никто не замечал. В четырнадцать он уже примкнул к одной из банд и окончательно ушел из дома, а в двадцать уже отбывал срок за ограбление проститутки. Казалось бы, судьба его предрешена: впереди была череда драк, краж и арестов, из которых обычно и состояла жизнь таких, как он. Проблема заключалась в том, что Дональда угораздило родиться смышленным и любознательным парнем, вот только учиться он начал лишь в двадцать и не в самом подходящем для этого месте.

Целыми днями он слушал критику правительства, угнетающего права темнокожих. В колонии девяносто процентов людей были темнокожими, так что сомневаться в этих суждениях не приходилось. Некоторые речи были глупы-

ми и озлобленными, но некоторые действительно содержали здравые идеи. Во всяком случае, они казались таковыми Дональду.

В самом начале 1970-х Дональд вместе с несколькими товарищами умудрился сбежать из тюрьмы. К тому моменту Дефриз уже твердо решил создать собственную армию, выступающую за... за что именно, он тогда еще не придумал, но армию уже создал. Это главное.

Поначалу все это было весело. Они без конца грабили магазины, пробавлялись легкими наркотиками и изучали труды Че Гевары. Дефриз провозгласил себя генералом-фельдмаршалом Синкю, в честь одного из борцов за права темнокожих, жившего в девятнадцатом веке. Остальные члены новообразованной банды получили звания генералов и тоже взяли себе новые имена. К примеру, лучший друг Дефриза Рассел Литтл стал генералом Оцеолой, в честь военачальника индейского племени. Весело и вполне безобидно. Они сочинили свой манифест, печатали листовки, изредка промышляли грабежами – ничто не предвещало национального скандала.

6 ноября 1973 г. в Окленде, штат Калифорния, Рассел Литтл и Джо Ремиро застрелили директора школы Маркуса Фостера и тяжело ранили заместителя директора Роберта Блэкберна. Фостера, темнокожего кстати, они обвинили в расовой дискриминации и фашизме, за что и казнили. Вот это уже вызвало общественный резонанс. Маркус Фостер

был одним из очень уважаемых членов общества. Этот мужчина сумел из школы в одном из самых бедных кварталов города сделать настоящее образовательное учреждение. В лучших традициях голливудских фильмов, он сумел заставить малолетних преступников сидеть за уроки. Его выпускники стали поступать в колледжи и получать государственные стипендии, за что его стали уважать даже банды. Убийство такого человека никто не собирался спускать на тормозах, и в начале января 1974 года Литтла и Ремиро арестовали.

Итогом судебного разбирательства стали два пожизненных срока. Нужно было что-то делать, но что? Как вытащить друзей из тюрьмы? Как заставить людей услышать его идеи? Если поначалу даже Дефриз воспринимал Симбионистскую освободительную армию как игру, то сейчас он уже сам поверил в то, что призван устроить революцию. Никак не меньше.

4 февраля 1974 года в дом, который арендовал молодой аспирант Беркли Стивен Вид со своей невестой, студенткой второго курса факультета искусств Патти Херст, ворвались трое до зубов вооруженных людей. Девушка с автоматом пригвоздила к полу Стивена Вида. Патрисия Херст в банном халате и с повязанным на голове полотенцем вышла из ванной комнаты, чтобы посмотреть, чем вызван шум в гостиной. Двое молодых людей с оружием в руках скрутили девушку и вытолкали ее на улицу. Со стороны казалось, что сейчас в одном из престижных особняков неподалеку от

университета Беркли идут съемки дешевого боевика. Мужчины завязали одеревеневшей от страха девушке глаза и затолкали ее в багажник. С этого момента жизнь юной дочери владельца крупнейшего медиахолдинга в стране изменилась раз и навсегда.

Патрисия Херст родилась в семье миллиардера Уильяма Рэндольфа Херста. Сложно представить более благополучную, счастливую и заранее predetermined жизнь. Тихая и неприметная Патти всегда была послушной девочкой и любимой дочерью любящих родителей. Она мечтала стать актрисой, но, чтобы не расстраивать отца, все же отправилась учиться на факультет искусств в Беркли. Немаловажным фактором для этого решения было и то, что ее молодой человек Стивенн Вид собирался переехать в Беркли, так как его пригласили туда читать лекции.

Хорошее образование для добропорядочной жены. Дату их свадьбы определил отец Патти еще задолго до того, как молодые люди объявили о своем намерении связать себя узами брака.

Казалось, в ее жизни попросту не может произойти чего-то неожиданного, заранее не спланированного, и уж конечно, никто, даже в самом страшном сне, не мог представить, что вскоре лицо Патти Херст окажется во всех новостных выпусках страны. В разделе криминальной хроники. В качестве подозреваемой по делу.

Патти при всем желании не смогла бы сказать, сколько

прошло времени, пока они ехали в машине. В какой-то момент шум мотора затих, и крышка багажника поднялась. Кто-то стал помогать девушке выйти из машины. Руки и ноги за время поездки онемели, и глаза все еще были завязаны. Она то и дело спотыкалась и падала. Наконец, кому-то надоело смотреть на эти мучения, и сильные руки легко подняли девушку и понесли внутрь дома. О том, что это именно дом, свидетельствовал тот факт, что они лишь поднялись на несколько ступенек, но не пошли к лифту и не пробирались по лестничным пролетам.

– Давайте закроем ее в шкафу, – раздался чей-то голос. Послушался звук открываемой створки. Девушка попыталась было заорать, но ей тут же пригрозили расправой и в качестве доказательства своих намерений приставили пистолет к голове. Она не видела его, но почувствовала прикосновение металла к виску.

По истечении шестидесяти дней из этого шкафа вышла девушка, которая попросит называть себя Таней Бунке², в честь подруги Эрнесто Че Гевары.

Шок прошел лишь в тот момент, когда девушку стали закрывать в шкафу. Она начала вырываться и отчаянно кричать. В доме было восемь человек, трое из которых – мужчины около тридцати. В том числе бывший морской пехоти-

² Айде Тамара Бунке Бидер (псевдоним – Таня-партизанка, 1937–1967) – латиноамериканская революционерка немецкого происхождения, боец боливийского отряда Че Гевары.

нец. Патти тут же заломили руки.

– Вербку дайте! – заорал кто-то прямо над ухом.

Спустя несколько мгновений вербку все-таки нашли. Руки и ноги девушки связали, а затем бросили на пол большого платяного шкафа. Все произошедшее было настолько нереальным, что казалось, это просто съемки фильма или хотя бы очень паршивый розыгрыш.

– Да вы знаете, кто мой отец? Вас поджарят на электрическом стуле за такое. Мой отец – Рэндольф Херст, лучший друг президента...

Неизвестно, какие именно угрозы доносились из запертого шкафа, но предположить это нетрудно. Дом в одном из черных кварталов Сан-Франциско на тот момент превратился в штаб настоящей экстремистской политической организации. По крайней мере, именно так считали все здесь собравшиеся. Истошные крики девушки в шкафу раздражали всех. Ей попытались засунуть кляп в рот, но та его тут же выплюнула и начала кусаться. Чтобы заставить девушку замолчать, Уильям Вольф по прозвищу Куджо предложил накормить Патти одним из популярных в то время наркотиков. По понятным причинам я не буду называть какие бы то ни было конкретные наркотические средства, да и не имеет это принципиального значения для описанных событий.

Еще минут пятнадцать из шкафа доносились угрожающие выкрики, перемешанные с мольбами и плачем, а затем организм девушки сдался и отправился в волшебное приключе-

ние по волнам собственного подсознания. Эффект от популярных в ту пору так называемых психоделиков в значительной степени зависел от того, в каком состоянии человек их принимал. На холодном полу шкафа и с завязанными глазами ничего хорошего привидеться не могло. Патти предстояло несколько часов наедине со своими страхами и проблемами.

Голоса за тонкой створкой шкафа придумывали манифест Симбионисткой освободительной армии. Идеологией организации был симбиоз всех живых существ на планете. Они выступали за «разрушение всех форм и институтов расизма, сексизма, эйджизма, капитализма, конкуренции...» и «симбиоз... различных тел и организмов, живущих в глубокой и любовной гармонии и сотрудничестве в лучших интересах всех, кто составляет единое тело».

Сквозь плотную пелену наркотического плена сознание девушки все же улавливало уверенный голос Деффриза. Час за часом.

Единственной целью Деффриза с товарищами было освобождение пожизненно осужденных Литтла и Ремиро. Они хотели обменять их на Патти. Для этого следовало доказать, что девушка с ними и она все еще жива. Патти все еще пребывала в наркотическом дурмане, но постепенно уже начинала приходить в себя. Ни рук, ни ног она не чувствовала, глаза были завязаны, а створка шкафа закрыта. Абсолютное небытие и полная сенсорная депривация. Все еще

не очищенный от наркотиков мозг не желал мириться с отсутствием зрительной информации и продолжал порождать собственные сигналы. Иллюзии становились все менее отчетливыми, но они продолжали изводить девушку. Голоса за створкой вновь и вновь ругали правительство за очевидные промахи, провозглашали лишенные всякой логики манифесты и т. п. К примеру, Симбионистская партия считала одной из своих основных задач борьбу за права угнетенного чернокожего населения. Это звучало странно, учитывая, что среди них всех был только один чернокожий – Дефриз.

Приблизительно через сутки дверь шкафа открылась, и кто-то стал снимать повязку с лица девушки. Глаза Патти слезились от чересчур яркого света. Красивый чернокожий мужчина с искренней тревогой в голосе спрашивал о ее самочувствии. Он представился генералом-фельдмаршалом Симбионистской освободительной армии. Заметив ссадины на лице Патти, он велел кому-то найти антисептик и обработать раны. Скорее всего, за лекарствами послали Уильяма Вольфа, так как тот все-таки был сыном врача и хоть что-то понимал в медицине.

На следующий день все новостные выпуски Штатов потеряли всякий интерес к Уотергейтскому скандалу³, все внимание репортеров было обращено к разворачивающейся на

³ Уотергейтский скандал – политический скандал в США 1972–1974 годов, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона. Единственный за историю США случай, когда президент прижизненно досрочно прекратил исполнение обязанностей. – *Прим. ред.*

их глазах драме.

«Мама, папа, я в порядке. У меня всего несколько царапин, мне их промыли, и мне становится лучше. ...Я слышала, что мама очень сильно расстроилась из-за того, что было дома, и я надеюсь, что это не мешает нам. Я просто хочу выйти отсюда, увидеть всех вновь, вернуться к Стиву».

(Речь Патти Херст, 12 февраля 1974 года)

Так прозвучало первое послание Патти Херст. Похитители девушки потребовали освободить своих друзей, осужденных на пожизненное заключение, но общественность отреагировала на это требование слишком негативно. Их сочли самыми обычными преступниками, негодяями и убийцами. Манифест Симбионистской освободительной армии уже готовы были поднять на смех, как вдруг журналисты получили второе послание от Патти Херст, а вместе с ним и новые требования похитителей.

Раз их друзей никто не освободит, то пусть Рэндольф Херст даст по 70 долларов каждому нуждающемуся Калифорнии и напечатает массовый тираж брошюр с манифестом Симбионистской освободительной армии. Именно так звучали новые условия освобождения Патти Херст. По самым скромным подсчетам это стоило бы магнату четыреста миллионов долларов. И это в 1970-х годах. Естественно, у

бизнесмена не было таких денег. Начались долгие переговоры. Дефриз записывал свои патетические, исполненные пустого пафоса, речи о голодных и обездоленных и прикладывал к ним новые сообщения от Патти Херст. В ответ Рэндольф выступал со своими заявлениями, а мама девушки записывала нежные слова поддержки своей дочери.

Все это время Патти продолжали держать в шкафу и давать психodelики, чтобы она не выступала лишний раз. Открывая дверь шкафа, Дефриз видел совершенно несчастную, лишенную воли и поддержки девушку, которую хотелось защитить, а не убить. Он стал разрешать девушке выходить из шкафа и сидеть вместе со всеми в гостиной, пока они обсуждали план дальнейших действий. Это напоминало игру в шахматы. Ход Дефриза против хода Рэндольфа. Игра становилась все интереснее, а к присутствию девушки на этих собраниях постепенно привыкали и все остальные члены армии Дефриза.

– А где другие подразделения? – поинтересовалась однажды девушка у Дональда.

– Какие подразделения? – оторопел Дональд Дефриз.

– Подразделения вашей армии, – пояснила девушка. В этот момент все в комнате расхохотались.

– Мы и есть армия, – сказала, наконец, Камилла Холл, двадцатичетырехлетняя дочь священника.

Армия состояла из восьми человек, среди которых был сын врача, дочь священника и даже бывшая студентка Берк-

ли. Всем им было по 25–29 лет, а Патти едва исполнилось девятнадцать. Даже бывшая стриптизерша Нэнси Линк Перри вскоре стала относиться к ней как к младшей сестре, а не как к заложнице, что уж говорить о Дефризе, давно уже опекавшем девушку.

Наконец, Рэндольф выдвинул последнее свое предложение: шесть миллионов долларов в пользу нуждающихся тремя траншами. Дефриз согласился, и первые два миллиона были перечислены в благотворительный фонд, развернувший активную деятельность по помощи обездоленным, когда вдруг Дефриз решил увеличить сумму выкупа, на что Рэндольф Херст ответил отказом.

– Не очень-то тебя и любят родители. Видишь, деньги для них важнее, чем дочь, – повторял Дефриз, да и другие члены С.О.А. были с этим согласны. Все это время они банально торговались с отцом девушки. Для них это всего лишь заложница, а вот Рэндольф торговался за дочь. И ведь деньги победили... День за днем Дефриз повторял эти слова, а спустя два месяца с момента похищения Дональд Дефриз опубликовал последнее сообщение от Патти Херст.

«Я точно знаю, что ни тебя, ни маму никогда не волновали интересы народа. Ты, корпоративный лжец, естественно, скажешь, что я не понимаю, о чем говорю, но тогда докажи это на деле. Расскажи бедным и угнетенным людям этой нации о том, что собирается сотворить с ними корпо-

ративное государство. Предупреди чернокожих и обездоленных людей, что их истребят до последнего мужчины, женщины и ребенка. Мне предложили выбор: либо меня освободят в безопасном месте, либо позволят присоединиться к силам Симбионистской армии освобождения и сражаться за свою свободу и свободу угнетенных. Я решила остаться и бороться»

(Патти Херст)

К посланию прилагалась фотография девушки с автоматом в руках, в берете и под знаменем армии Дефриза – изображением семиголовой кобры. Шах и мат. Отныне Патти Херст не запишет ни одного послания. Она попросту перестанет существовать, ведь теперь она – Таня. Именно такой псевдоним выбрала себе Патти Херст. Эта девушка стала символом и знаменем армии Дефриза. Услышав это послание, Рэндольф Херст заявил журналистам:

«Мы были с ней 20 лет, они – всего 60 дней. Я не верю, что она собирается изменить свою философию так поспешно и навсегда»

(Рэндольф Херст. Отец Патти)

15 апреля 1974 года Патти Херст с винтовкой в руках ворвалась в отделение банка. Патти и дочь священника Камилла Холл положили всех, кто в тот момент был в банке на пол,

и стали угрожать им оружием. Остальные члены банды в этот момент грабили кассу. По итогу им удалось выручить чуть более десяти тысяч долларов и вновь стать главными героями сводок новостей.

– Патти Херст нельзя винить в этом ограблении. Уверен, что похитители угрожали ей расправой, если она не будет выполнять то, что ей говорят. Она совершенно точно не отдавала отчета в своих действиях и вряд ли делала все это добровольно, – в один голос твердили эксперты. Подобные выступления возмутили Патти.

Вместе с Дефризом они записали новое послание от дочери миллиардера. На этот раз девушка проклинала родителей и с явной злостью в голосе говорила о том, что ее никто не принуждал грабить банк.

«Я следила за клиентами и сотрудниками банка. Все были на полу. Моя винтовка была заряжена. Я ни секунды не была под прицелом товарищей. Наша акция 15 апреля заставила правительство поверить в наши силы...»

(Патти Херст)

Ситуация выходила из-под контроля. Вскоре это стало понятно и Дефризу. У друзей одного из участников банды они взяли машину и направились в Лос-Анджелес. Там они остановились в доме одного из самых бедных черных кварталов города. К ним здесь отнеслись настороженно. Здесь вообще

относились настороженно к белым. А тут банда до зубов вооруженных белых беспредельщиков. Есть о чем беспокоиться.

По всей стране распространялись листовки с лицами членов банды Дефриза. В тот момент они по праву считались главными преступниками Америки.

Всем было ясно, что пора остановиться, но как это сделать, если почувствовал приторный вкус вседозволенности? Впервые в жизни люди стали тебя слушать, более того, тебя стали воспринимать всерьез. Дефриз, которому с большим трудом удалось арендовать дом в бедном районе Лос-Анджелеса, объявил, что отныне они залягут на дно на неопределенное время. Они будут проповедовать идеи Симбионистской освободительной армии, но никаких перестрелок и ограблений банка больше не будет. В конце концов, он-то привычен ко всему, а Патти не переживет и дня в тюрьме. Дефриз искренне влюбился в принцессу Херст. О девушке из Беркли ему и мечтать никогда не приходилось, она казалась ему каким-то инопланетным созданием, совершенно непохожим на девушек, с которыми он общался раньше. В их банде была еще одна девушка из Беркли, двадцатисемилетняя Патриция Солистик, но она была совсем другой. Мужеподобная, не выпускающая сигареты изо рта, она придумывала все речи и манифесты для их армии. Она вызывала уважение, но никак не симпатию. Юная и совершенно не приспособленная к жизни Патти – совсем другое дело. Херст

была очарована сильным, мужественным и искренне верящим в свои идеалы Дефризом.

К сожалению, остановить членов своей банды Дефриз уже не мог. Им слишком понравилось творить беспредел. Как это водится, самые отчаянные и безумные поступки совершали люди, никогда не имевшие проблем с законом, в частности – супруги Харрис и Патти. Херст хотела доказать возлюбленному, что не хуже всех остальных может палить из ружья, доказать своим родителям, что выросла и имеет право на собственное мнение, доказать... Впрочем, ладно, ей просто понравилось держать винтовку в руках.

Как можно оказаться в Лос-Анджелесе и не заняться серфингом? Это же просто преступление против человечности. Банда уже пару недель безвылазно сидела в этом ветхом доме на 84-й улице и буквально изнывала от скуки. Периодически кто-то из них заговаривал с местными жителями и рассказывал об идеях СОА. Их считали то ли странными, то ли сумасшедшими.

Решив развеяться немного, Патти, Эмили и Уильям Харрис взяли старый фургон, на котором они прикатили в Лос-Анджелес, и отправились в магазин спортивных товаров. Там они хотели купить костюмы для серфинга и еще какую-то ерунду. По большому счету, они просто слонялись по магазинам, а магазин спорттоваров случайно привлек их внимание. Почему бы не ограбить магазин? Бывший пехотинец Уильям Харрис оставил девушек в фургоне и отпра-

вился в магазин. Там мужчина начал угрожать пистолетом продавцу и требовать отдать всю выручку за день, а заодно и какие-то товары. Продавец попался не из робкого десятка и одним движением выбил оружие из рук Уильяма. Тут к ним подбежал охранник, и завязалась драка.

Харриса не было слишком долго, и Эмили уже начала нервно выглядывать из фургона, то и дело поглядывая на часы. В этот момент из дверей магазина вывалились Уильям и охранник. Мужчина в форме умудрился достать наручники и застегнуть одно их кольцо на руке Уильяма, как Эмили выпрыгнула из машины и повалила охранника на землю. Начался новый виток драки, который явно должен был закончиться приездом полиции.

В фургоне было полно оставлено оружия, в том числе и винтовка, с которой позировала Патти для той фотосессии. Дефриз уже давно научил девушку пользоваться этим оружием. На всякий случай.

Видя, что охранник побеждает, Патти взяла тяжелую винтовку в руки, открыла дверь фургона и начала палить в воздух. Звук выстрелов оглушил всех. На секунду Эмили и Уильям замерли, а затем бросились в фургон. Им удалось скрыться с места преступления и отъехать пару кварталов, когда мимо проехала полицейская машина. Каким-то чудом их не заметили.

Нужно было срочно менять автомобиль. Харрисы и Патти остановили фургон и высыпали на дорогу. Они остановили

первую же проезжавшую мимо машину и с криком «Твоя машина нужна Симбионистской армии» выкинули водителя на дорогу.

На этой машине они проехали еще немного, а затем вновь повторили трюк. Спустя пару часов они все же добрались до арендованного особняка на краю города. Побитые и задыхающиеся, с оружием наперевес, они ворвались в особняк. Когда Дэниел Дефриз услышал рассказ о том, что произошло, он даже не поверил поначалу. Как Патти могла высунуться из машины и начать пальбу из винтовки? Как вообще до такого можно додуматься?

В новостном выпуске уже рассказывали о происшествии в магазине спортивных товаров, а в городе был объявлен план-перехват. Кто-то из соседей сообщил о том, что в доме напротив поселились какие-то белые. Нужно было срочно убираться отсюда. Дефриз настоял на том, чтобы Харрисы и Патти немедленно уезжали из города, а он вместе с остальными хотел задержаться здесь еще на неделю. Патти не хотела уезжать, но здесь Дефриз был непреклонен. Остаться Патти в Лос-Анджелесе было слишком опасно.

Эмили, Уильям и Патти уехали уже через час и успели выехать из города до объявления плана-перехвата. В этот момент полиция уже обнаружила брошенный на одной из улиц белый фургон. Его тут же стали проверять по всем базам, и вскоре выяснилось, что несколько дней назад возле дома номер 835 по 84-й улице на него был выписан

штраф. Полиция объявила охоту на главных преступников страны.

К дому номер 835 стала съезжаться вся полиция города. Как только за окном показалась первая машина полиции, Дональд понял, что времени у них больше нет. Вместе с друзьями они начали пробираться к черному ходу. Побросав все вещи, оружие и боеприпасы, они все же умудрились скрыться в соседнем доме.

Из окна 833-го дома они наблюдали за тем, как один из полицейских уговаривает их сдаться. Кто-то из соседей сказал, что белые люди с оружием уже давно уехали отсюда, но тут же появился пожилой мужчина, который сказал, что они никуда не уезжали. Даже не собирались.

Полиция начала забрасывать дом гранатами со слезоточивым газом, но никто так и не вышел. Когда полиция все же ворвалась внутрь дома номер 835, там уже давно никого не было. Да и в соседнем доме тоже. Отряд Дональда Дефриза в этот момент уже колесил по улицам Лос-Анджелеса. Из города они больше не могли выехать. Это напоминало беспомощные метания загнанного в клетку зверя. Наконец, в тридцати кварталах от 84-й улицы они увидели объявление о сдаче квартиры в аренду.

Пожилая и не очень трезвая женщина сказала им, что за сотню долларов в неделю квартира в их полном распоряжении. Это устраивало Дональда, и они ударили по рукам. Дефриз вышел на улицу и кивнул друзьям, ждавшим его в фур-

гоне. Эту машину они угнали пару дней назад, и ее тоже нужно было бросить где-нибудь подальше отсюда. Пятеро белых в этом районе и так вызывали массу подозрений, а уж с винтовками и гранатами наперевес они выглядели совсем уж странно. Впрочем, в этом районе не принято было звонить лишний раз в полицию.

– Никто не должен умереть. Среди них может быть Патти Херст, – это указание полиции составляло главную проблему. В одних ток-шоу Патти называли жертвой, в других – глупой влюбленной девочкой, в третьих – преступницей. Так или иначе, но полиция не имела права застрелить дочь Рэдольфа Херста.

Патти Херст, Эмили и Уильям Харрис, у которого на руках все еще болтались наручники, в этот момент были уже далеко за городом. Они остановились в одном из придорожных мотелей в тридцати километрах от Лос-Анджелеса и решили провести здесь несколько дней. Дональд Дефриз был вне зоны их досягаемости, а следовательно, и указаний он дать не мог. Никто попросту не знал, что им делать. Они целыми днями сидели на одном из диванов в кафе при мотеле и с жадностью слушали все новостные выпуски. Патти удалось связаться с Дональдом, и тот как мог начал успокаивать девушку. Сам Дональд уже понимал, что ничем хорошим эта история просто не может закончиться. Он все так же убежденно произносил лозунги Симбионистской армии, и каждое из этих слов, словно молотком, заколачивалось в

сознание девушки. У них было не так много времени на телефонный разговор. Неизвестно, когда в следующий раз они увидятся, поэтому она должна была запомнить каждое слово своего возлюбленного. В конце концов, именно благодаря этому человеку она была сейчас жива. Он дал ей вторую жизнь.

Шесть человек осели в доме номер 1466 по 54-й улице Лос-Анджелеса. Это было небольшое здание на несколько квартир. Теперь уже никто из членов армии Дефриза не рисковал лишний раз выйти на улицу. Все новостные выпуски рассказывали о том, как полиция оцепляет все прилегающие к дому 835 по 54-й улице кварталы. Кто-то доложил, что у них был еще один белый фургон, поэтому все силы полиции теперь были направлены на поиски этой машины. Количество полиции на улицах бедных кварталов Лос-Анджелеса поражало и пугало местных жителей.

Прошло уже больше суток, когда кто-то случайно заметил этот фургон на 54-й улице. Полиция запретила передавать эту информацию в СМИ. Сюда начали подтягиваться отряды полиции и ФБР. Нужно было как можно быстрее выяснить, где именно обосновалась банда Дефриза. Это было уже делом техники и времени. Через час они уже знали, что их цель – дом номер 1466. Полиция начала планомерно эваку-

ировать жителей соседних домов. Проблема заключалась в том, что в доме 1466 могла находиться Патти Херст, а она должна была выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.